



- общественной агрономией / Коротков И. П. – Мариуполь : Сельхозкредитсоюз, 1927. – 152 с.
3. Макаров Н. П. Как американские фермеры организовали свое хозяйство / Макаров Н. П. – New-York : Association Press, 1921. – 157 с.; Макаров Н. П. Организация сельского хозяйства / Макаров Н. П. – М. : Экономическая жизнь, 1926. – 566 с.
4. Ленин В. И. О кооперации / Ленин В. И. // Полное собрание сочинений (5 издание). Т. 45. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – С. 369 – 377.
5. Чаянов А. В. Оптимальные размеры земледельческих хозяйств / Чаянов А. В. // Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики. – М. : ВЦИК, 1922. – С. 5 – 82.
6. Дубровский С. Мелкобуржуазные теории аграрной кооперации / Дубровский С. // Большевик. – 1924. – № 3 – 4. – С. 90 – 98.
7. Сталін Й. В. До питань аграрної політики в СРСР : Промова на конференції аграрників-марксистів 27 грудня 1929 р. / Сталін Й. // Питання лєнінізму. – К. : Політвидав, 1953. – С. 266 – 283.
8. Качинский В. Крестьянская кооперация и социализм / Качинский В. – Х. : Всеукр. гос. изд.-во, 1921. – 46 с.
9. Качинский В. Очередные задачи сельского хозяйства / Качинский В. // Народное хозяйство Украины. Очерки и статьи по хозяйственному строительству Украины. Сборник второй. – Х. : Гос. изд.-во Украины, 1921. – С. 15.
10. Качинский В. Молодая поросль фермерства в украинской степи / Качинский В. // Хозяйство Украины. – 1925. – № 6. – С. 98 – 106.
11. Олянич В. В. Концепції організаційно-виробничого типу селянського сімейного господарства УСРР у літературі 20-х рр. / Олянич В. В. // Збірник наукових праць. – Х., 2008. – Вип. 32. – С. 102 – 112.
12. Качинський В. На допомогу селянському господарству. Сільськогосподарський кредит на Україні / Качинський В. – Х. : Червоний шлях, 1924. – 54 с.

В.И. Меньковский

ДИСКУССИЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА RUSSIAN REVIEW О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА 1930-Х ГГ.

Анализируется первая в англоязычной историографии дискуссия о возможности изучения истории советского крестьянства 1930-х гг. методами социальной истории. Дискуссия, проведенная журналом «Российское обозрение» в 1986–1987 гг., стала этапным моментом как в историографии истории советского крестьянства, так и историографии сталинского периода советской истории

Ключевые слова: англоязычная историография, «Российское обозрение», сталинизм, крестьянство, социальная история.

Analyzed the first discussion in English-language historiography on the possibility of studying the history of the Soviet peasantry 1930s by the methods of social history. Discussion conducted by the academic journal «Russian Review» in 1986 – 1987 become a landmark both in the historiography of the Soviet peasantry, and the historiography of the Stalinism.

Keys words: English language historiography, «Russian Review», Stalinism, peasantry, social history.

В 1986 – 1987 гг. на страницах американского журнала «Российское обозрение» (Russian Review) развернулась острая полемика по вопросу написания социальной истории СССР 1930-х гг. Важность указанного обмена мнениями сегодня признается практически всеми англо-американскими исследователями. Например, Дж. Бурбанк отмечала,

что эта дискуссия играет важнейшую роль в понимании идей ревизионистов 1980-х гг. [1, 339]. Столкнулись взгляды нескольких поколений советологов, представителей разных подходов к изучению советского прошлого. Предмет спора был действительно острым и противоречивым. Ш. Фицпатрик в статье, открывшей дискуссию, поставила перед своими коллегами целый ряд новых вопросов, связанных с пониманием сталинизма, жизнедеятельности источниковой базы и, в целом, тенденциями развития исторической науки.

Новой тенденцией западной советологии на рубеже 1970 – 1980-х гг. был поворот к социальной истории. Социальная история дает представление о движении общества вместе со свойственными ему институтами: организацией производства, жизнедеятельности, власти и управления. Властные структуры рассматриваются как результат социальных сдвигов и потрясений. В центре внимания находится человек не сам по себе, а как «элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма».

В 1970-е гг. многие молодые ученые, занявшиеся советскими проблемами, были или хотели быть социальными историками. Частично это отражало текущие тенденции исторической профессии в целом. Но это также подразумевало убеждение, что движущими силами советского исторического развития были не только политика и идеология, как утверждала тоталитарная школа. Ревизионисты хотели акцентировать внимание на социальных силах и процессах. Ключевыми публикациями «новой когорты ревизионистов» были книги Дж. Гетти «Истоки больших чисток: Новый взгляд на советскую коммунистическую партию в 1933 – 1939 гг.», Л. Виолы «Лучшие сыны отечества: Рабочие в авангарде советской коллективизации» и статьи, легшие в основу сборника «Жизнь и террор в сталинской России, 1934 – 1941 гг.» [2]. Хотя в перечень ревизионистских трудов этого периода можно включить еще целый ряд работ, именно названные публикации вызвали наибольшие споры.

Для некоторых авторов казалось особенно важным изучать советский рабочий класс. Другие предпочитали тему социальной мобильности, предполагая, что возможность для рабочих и крестьян войти в новую элиту играла определенную роль в легитимизации сталинского режима [3]. Ревизионистские историки разделяли предположение, что советское общество не было просто пассивным объектом для манипуляций режима и что ученые должны исследовать сталинизм «снизу» так же, как и «сверху», а во многих случаях изучение «снизу» даже важнее.

Первый раунд полемики состоялся в октябрьском номере «Российского обозрения» 1986 г., где была опубликована статья Ш. Фицпатрик «Новые перспективы изучения сталинизма», ответы С. Коэна, Д. Элей, П. Кенеза, А. Мейера и «Послесловие» Ш. Фицпатрик [4]. Инициатор дискуссии отмечала, что целью ее статьи является рассмотрение влияния историков, в том числе социальных историков, на изучение сталинского периода. Она относила себя к названной группе историков, но подчеркивала, что публикация не должна рассматриваться как манифест новой когорты. Ее констатирующая и рекомендательная часть адресовались всем социальным историкам, которые могли и не



согласаться с автором. Самоидентификация новой когорты с социальными историками, исследующими другие страны и периоды, также давала возможность обеспечить внешнюю поддержку в борьбе против влияния холодной войны на раннюю советологию. Социальные историки в целом были более радикальными противниками тоталитарной парадигмы, чем представители исторической профессии в целом.

Ш. Фицпатрик отмечала, что приход историков в область исследований, где долгие годы доминировали политологи, оказал серьезное влияние на англо-американскую советологию. Конечно, среди изучавших период 1917 – 1953 гг. всегда было несколько историков, в том числе серьезных. Но новая когорта значительно многочисленнее, в определенном смысле, осознает себя группой и подчеркивает принадлежность к историкам. Профессиональная идентификация, с ее точки зрения, была важна по нескольким причинам. Во-первых, обращалось внимание на советскую историю как самостоятельную область исследований, возможность которая связана с профессиональной квалификацией ученых, доступом к архивам и другим ресурсам. Во-вторых, подчеркивалось отличие от старшей генерации советологов, в которой доминировали политологи – сторонники тоталитарной модели [5, 358].

Однако возможность использования методики социальной истории для таких динамичных периодов, как советские 1930-е гг., признавалась далеко не всеми исследователями. По мнению А. Буллока, социальные и экономические историки, подобно ученым-социологам, считали естественным искать исторические объяснения в таких неличностных факторах, как демографические изменения, миграция населения, влияние индустриализации и технологических новшеств на общество. Они рассматривают людей как членов групп, в которых индивидуальные характеристики растворяются в усреднении. Он считал, что такой подход возможен для тех стран, где стабильность сочетается с демократическими институтами. Но в ситуациях, связанных с войной, революцией и иными формами насилия, прерывающими нормальное развитие общества, поведение людей делается непредсказуемым. В таких условиях индивидум может оказать мощное, порой решающее влияние на ход событий и вытекающей из них политики [6, 643-644].

Общей темой, которую западные исследователи использовали для интерпретации сталинского периода, являлось противостояние государства и общества. В соответствии с таким взглядом, государство действовало на общество, стараясь изменить его в направлениях, служащих государственным интересам. Действия общества являлись ответной реакцией на государственное давление. Тоталитарная модель предполагала, что советское государство стремилось изменить общество в соответствии с марксистско-ленинской идеологией, используя в качестве инструмента коммунистическую партию и усиливая свой диктат с помощью насилия и террора. Общество рассматривалось как объект, инертный и безликий, формирующийся и управляющийся энергичными действиями тоталитарного режима.

Такой взгляд на отношения между государством и обществом направлял внимание ученых на изучение государственных механизмов, а не социальных процессов. Исследование СССР фокусировалось на государстве и партии, общество рассматривалось почти исключительно в контексте государственного и партийного вмешательства. Научная литература, посвященная сталинскому периоду, включала работы, анализирующие такие формы вмешательства, как насильственная коллективизация, подчинение профсоюзов, ужесточение трудового законодательства, стахановское движение, преследование старой интеллигенции, установление партийного контроля над культурой и наукой.

Некоторые из этих работ поднимали и вопросы, связанные с реакцией общества на действия государства, например, об отношении крестьянства к коллективизации. Но общество всегда представлялось жертвой государственных действий, а его реакция оценивалась как сочетание скрытой враждебности и пассивного принятия силы государства.

Наиболее пристальное внимание участников дискуссии вызвали подходы Ш. Фицпатрик к таким принципиальным проблемам, как социальная стратификация советского общества 1930-х гг., последствия высокой социальной мобильности и соотношение инициативы «сверху» и «снизу». Она подчеркивала, что социальные историки не могут удовлетвориться взглядом на общество как на единое целое и тезисом о противостоянии единого общества единому государству.

Долгое время не привлекала внимания англо-американской советологии тема социальной мобильности в сталинском Советском Союзе. Западные исследователи считали, что этот процесс не относится к тоталитарному обществу. Публикации Ш. Фицпатрик [7] привлекли внимание к этому вопросу, но многие ученые выражали сомнение в возможности применения к сталинскому периоду этого понятия, имеющего в западных социальных науках положительное значение, других больше интересовал не сам процесс, а участие в нем государства.

Например, К. Бейлис соглашался с ней в том, что сталинский режим создавал возможности для продвижения вверх выходцев из низших классов и что это являлось серьезным фактором легитимизации для Сталина [8, 288]. Ш. Фицпатрик настаивала, что общество нельзя анализировать в статичных терминах. Феномен высокой социальной мобильности только частично объяснялся специфической политикой режима. В большей степени это был неизбежный результат быстрой индустриализации Советского Союза, создавшей новые рабочие места для «белых и синих воротничков». Определяющей тенденцией мобильности в сталинский период было движение «вверх», в отличие от движения «вниз» привилегированных классов после революции и драматичных эпизодов чистки элиты в 1930-е гг. [5, 365]. Именно тезис о первостепенной значимости массового движения вверх по сравнению с воздействием террора на общество являлся принципиально новым для «новой когорты» ревизионистов.

С высокой социальной мобильностью Ш. Фицпатрик связывала и вопрос о слабости социальных классов сталинского периода, общественных связей и, как результат, неспособности



общества сопротивляться силе и экспансии государства. Высокий уровень государственного насилия, с ее точки зрения, также заслуживал переосмысления в контексте высокой социальной мобильности. Два этих явления не могли быть адекватно оценены один без другого. С одной стороны, государственное насилие создавало вынужденную общественную мобильность, как в случаях депортации кулаков, экспроприации элланов, проведения «чисток» и депортации «классовых врагов». С другой – спонтанная общественная мобильность в масштабах начала 1930-х гг. создавала для государства проблемы контроля, которые в свою очередь вызвали новые насильственные меры и ужесточение законодательства. Мобильность была не только следствием действий режима по преобразованию общества, но и препятствием для продолжения этого процесса. При всех амбициях режима, реальный контроль, который он осуществлял, был зачастую ограничен. И один из факторов ограничения – непредсказуемая мобильность населения и ротация бюрократических кадров, выполняющих функции контроля.

В соответствии с привычным советологическим взглядом, социальные изменения сталинского периода были результатом радикальной политики, инициированной режимом, и безжалостно проводившейся вне зависимости от реакции общества. В качестве парадигмы выступала «революция сверху», собственный сталинский термин, включающий форсированную индустриализацию, коллективизацию и другие амбициозные и разрушающие общество мероприятия периода первой пятилетки. Сюда же относились и «чистки» конца 1930-х гг. Взгляд «снизу» бросал вызов существующей парадигме.

Ш. Фицпатрик отмечала, что в опубликованных работах ревизионистов и обмена мнениями между ними можно было выделить новые альтернативные объяснения действий сталинской власти. Во-первых, режим реально имел меньший контроль над обществом, чем это провозглашалось; его действия час-то были скорее импровизацией, чем выполнением единого плана; результаты политики зачастую отличались от намерений тех, кто принимал политические решения; политика во многих случаях приводила к непланируемым и неожиданным последствиям. Во-вторых, политика режима соответствовала определенной общественной ситуации, реагировала на социальное давление и недовольство и модифицировалась в результате неформальных общественных согласований. В-третьих, наиболее радикальным утверждением ревизионистов являлось то, что политический процесс скорее был результатом инициативы «снизу», а не «сверху» [5, 368].

Первой реакцией на публикацию Ш. Фицпатрик стала статья С. Коэна «Сталинский террор как социальная история». Он писал о том, что советологии действительно нужна социальная история, так же как и современные социологические исследования для расширения крайне скудных эмпирических знаний и обогащения односторонних интерпретаций. Потенциальная значимость новых социальных историков связана с их обещаниями сделать общество основным объектом изучения. Именно это вызывало интерес к ним. Хотя было

опубликовано лишь несколько профессиональных работ, относящихся к социальной истории, и не все из них действительно изучали общество, но исследователями новой генерации было подготовлено значительное количество диссертаций и следовало ждать появления новых работ. Советологи, стремившиеся понять прошлое и настоящее Советского Союза, должны были приветствовать развитие дисциплины, надеясь, что оно приведет к разрушению старых догм.

Однако являясь сторонником социальной истории и выступая против догм периода холодной войны, С. Коэн основное внимание сконцентрировал на критических замечаниях. Он считал, что статья Ш. Фицпатрик определенно могла рассматриваться как «манифест новой когорты», хотя автор и отрицала это. Некоторые положения публикации вызвали у него серьезные сомнения. Во-первых, социальные историки далеко не первые бросили вызов тоталитарной модели. С конца 1960-х гг. ряд советологов, среди которых были и историки, отвергал тоталитаристский взгляд на Советский Союз, фокусирующийся лишь на действиях Кремля, и исследовал советскую элиту и группы интересов. Не все из них занимались сталинским периодом, но, безусловно, привлекали внимание к социальным составляющим советской политики и истории.

Во-вторых, вывод о том, что сталинская революция сверху вела во многих направлениях к нежелательным и неожиданным для власти результатам, не являлся открытием «новой когорты». С. Коэн высказал удивление, как можно было предать забвению труды старейшины социальной истории в советологии М. Левина, который лишь раз, и то вскользь, упомянут в статье.

Отметим, что в российской историографии роль М. Левина в становлении социальной истории оценивается чрезвычайно высоко. Например, Е. Петров писал, что работа М. Левина «Российские крестьяне и советская власть» была для западной историографии Советского Союза настоящим поворотом. Поворот от чисто политической истории, где все сводилось к борьбе за власть и сентенциям власти, к истории социальной, к истории общества. Это было начало разрушения сложившегося стереотипа западного восприятия, когда шло постоянное сравнение между изначальной идеологической утопией и тем, что происходит на самом деле. Вместо этого предлагалось спуститься на землю и более внимательно взглянуть на экономические и социальные основы происходящего. В тоже время М. Левину удалось избежать другой крайности, свойственной некоторым его последователям, для кого в связи с интересом к социальной истории политическая проблема вроде и перестала существовать. Ему в своих работах удавалось сочетать вопросы социального развития советского общества с пониманием центральной роли государства и власти в этой системе [9].

В наиболее обобщенном виде взгляды социальных историков представлены в статье Р. Мэннинг «Государство и общество в сталинской России». Наше поколение, отмечала она, разделяет многие взгляды Ш. Фицпатрик и высоко ценит ее работы, расширяющие представление о советской истории 1930-х гг. Однако в некоторых вопросах наши взгляды не совпадают [10, 407]. Второе поколение ревизионистов на вопрос о том, что было более



важним, ініціатива «сверху» или «снизу», отвечало, что оба направления были одинаково важными.

Р. Мэннинг также отмечала, что некоторые группы, например комсомольцев, двадцатипятилетних, производственные конференции, трудно однозначно характеризовать как общественные или государственные. Традиционная советология избегала анализировать эту дилемму, определяя всех участников политического процесса как агентов государства. Тот факт, что государство часто оказывалось неспособным достичь своих целей из-за их несовпадения с целями исполнителей, просто игнорировался. Ревизионисты второго поколения стремились исследовать эту уникальную черту довоенной советской политики, обращая особое внимание на изучение ситуации на местах и рассматривая средний уровень аппарата власти как реальную политическую силу, представляющую определенные социальные группы с собственными интересами [10, 410].

Подводя итог состоявшейся дискуссии, можно отметить те аспекты, в которых работы представителей «новой когорты» имели общие черты и, вместе с тем, отличались от трудов предшественников.

Во-первых, в работах «новых ревизионистов» анализировались те стороны жизни советского общества, которые могли рассматриваться западными читателями как положительные. Ш. Фицпатрик писала о массовом образовании, социальной мобильности, культурной революции; Дж. Гетти и Г. Риттешпорн – об усилении контроля рядовых членов партии над бюрократией; Р. Мэннинг – о массовом участии в управлении колхозами; Л. Виола – об энтузиазме рабочего класса при проведении коллективизации. Так, монография Л. Виолы была посвящена анализу не советского общества в целом, а его части – рабочим-двадцатипятилетним, участвовавшим в сталинской кампании коллективизации. Применив методы, характерные для западной историографии рабочего класса, она описывала двадцатипятилетних как героических представителей промышленных рабочих, ведущих борьбу за прогресс, за ликвидацию отсталости сельского населения [11, 210-218].

Во-вторых, «новые ревизионисты» описывали сталинское общество в терминах и категориях, которые представляли западному читателю сталинизм «обычной» системой, не отличающейся принципиально от других систем этого времени. Ревизионисты 1980-х гг. описывали трансформацию советского общества 1930-х гг. в терминах западных социальных наук.

Потребовались годы для того чтобы исследователи пришли к пониманию необходимости комплексного изучения феномена сталинизма, перестали относиться к нему как к явлению стоящему особняком в мировой истории. На рубеже XX – XXI вв. ситуация в англо-американской историографии значительно изменилась. Доступнее стали архивы советского времени, было установлено сотрудничество с исследователями из стран бывшего СССР, опубликовано значительное количество новаторских научных работ, среди которых необходимо отметить новые книги Ш. Фицпатрик «Повседневный сталинизм: обычная жизнь в экстремальное время. Советский Союз в 1930-е гг.», «Сталинизм. Новые направления», «Сталинское

крестьянство: Соппротивление и спасение в русской деревне после коллективизации» [12].

Ш. Фицпатрик обратилась к проблемам, которые были обозначены в ходе дискуссий 1980-х гг. как важнейшие для понимания социального аспекта феномена сталинизма. Уже в статье 1993 г. «Как мыши коты хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г.» она пришла к выводу, что система руководства деревней продолжала плодить диспуты местного масштаба. Сталин и его соратники старались использовать ненависть обычного человека к местной власти, оправдывая «хорошего царя». Историки традиционно считали, что русский крестьянин всегда был «наивным монархистом». Однако на основании изучения сообщений местной и центральной советской печати о тридцати пяти показательных судебных процессах, проходивших в 1937 г. в сельских райцентрах России, Украины и Беларуси Ш. Фицпатрик сделала заключение о глубоком убеждении крестьянства в том, что Сталин лично был ответственен за трагедию коллективизации [13].

Монография о крестьянстве стала первым исследованием этого вопроса социальным историком в англо-американской историографии. На основании изучения широкого круга источников, в том числе архивных, автор пришла к выводу, что большинство крестьян 1930-х гг., в отличие от значительной части городского населения, было настроено негативно по отношению к Сталину, возлагая на него ответственность за тяготы коллективизации и массовый голод.

Публикации последних лет могут служить ответом на многие вопросы, поднятые в ходе дискуссии середины 1980-х гг. Изучение социальной истории сталинской России оказалось не просто возможным, но и необходимым. Сегодня ответ на этот вопрос представляется очевидным для большинства исследователей. Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора.

1. Burbank J. *Controversies over Stalinism: Searching for a Soviet Society // Politics & Society*. 1991. Vol. 19. Is. 3.
2. Getty J. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. New York, 1985; Viola L. *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987.
3. Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. New York, 1979.
4. Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism // The Russian Review*. 1986. Vol. 45. P. 357–373; Cohen S. *Stalin's Terror as Social History // Ibid.* P. 375–384; Eley G. *History with the Politics Left Out – Again? // Ibid.* P. 385–394; Kenez P. *Stalinism as Humdrum Politics // Ibid.* P. 395–400; Meyer A. *Coming to Terms with the Past...And with One's Older Colleagues // Ibid.* P. 401–408; Fitzpatrick S. *Afterward: Revisionism Revisited // Ibid.* P. 409–413.
5. Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism // The Russian Review*. 1986. Vol. 45.
6. Буллок А. *Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: В 2 т. Смоленск, 2000. Т. 2.*
7. Fitzpatrick S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1929–1934*. Cambridge, 1979; Fitzpatrick S. *Stalin and the Making of a New Elite // Slavic Review*. 1979. Vol. 38. Is. 3. P. 377–402.
8. Bailes K. *Stalin and the Making of a New Elite: A Comment // Slavic Re-view*. 1980. Vol. 39. Is. 2.



9. Петров Е. В. Американское руссиеведение. Словарь-справочник. [http:// petrov5. tripod.com/welcome.htm](http://petrov5.tripod.com/welcome.htm).
10. Manning R. State and Society in Stalinist Russia // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46.
11. Viola L. *The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization*. New York, 1987.
12. Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York, 1999; Fitzpatrick S. *Stalinism: New Directions*. London; New York, 2000; Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. New York, 1994.
13. Fitzpatrick S. *How the Mice Buried the Cat: Scenes from the Great Purges of 1937 in the Russian Provinces* // *Russian Review*. 1993. Vol. 52. Is. 3. P. 299–321.

Н.О. Пасічник

ПОДУШНЕ ОПОДАТКУВАННЯ СЕЛЯН У ФІНАНСОВІЙ ДУМЦІ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ ХІХ СТОЛІТТЯ

Розглянуто подушну систему оподаткування селян Російської імперії та подано інтерпретацію цього прямого податку в роботах теоретиків і практиків фінансової діяльності ХІХ століття М. Сперанського, М. Тургенєва, В. Лебедева. Охарактеризовано трактування подушного податку, розроблене професором Харківського університету М. Алексеєнком, який заклад теоретичні основи концепції податкової системи у вітчизняній і російській фінансовій літературі.

Ключові слова: фінанси, фінансова наука, фінансове право, податки, прямі податки, система оподаткування, подушна подать.

The article describes the system of taxation of the rural class in the Russian Empire and gives interpretation of this direct tax in the works of M. Speransky, N. Turgenev, V. Lebedev, theorists and practitioners of the financial activity of the nineteenth century. The article characterizes the interpretation of the poll tax designed by M. Alekseyenko, professor of Kharkiv University, who laid the theoretical foundations of the concept of the tax system in the Soviet Union and Russian financial literature.

Key words: finance, financial science, financial law, taxes, direct taxes, the tax system, the head tax.

Реалії економічної і фінансової історії Російської імперії ХІХ ст. зумовили відхід від ідеї саморегулювання ринкової економіки класичної школи політичної економії і сприяли обґрунтуванню фінансового механізму державного регулювання економіки через податково-бюджетні та грошово-кредитні механізми. Першими дослідниками розвитку фіскальних питань фінансової науки в Російській імперії в ХІХ ст. були теоретики і практики фінансової і фінансово-правової думки того часу: М. Тургенєв, І. Горлов, М. Орлов, Ф. Мільгаузен. На українських теренах аналогічні дослідження здійснювали М. Алексеєнко, І. Патлаєвський, Г. Сидоренко.

Протягом тривалого періоду після жовтневих подій 1917 року проблеми історії податкової політики Російської імперії ХІХ – початку ХХ ст. не були актуальними серед радянських науковців, хоча й вивчалися в наукових дослідженнях Є. Сташевського, А. Буковецького, Д. Буткова. У другій половині ХХ ст. наукові розвідки з порушеної нами тематики активізувалися – з'явилися праці А. Погребінського, С. Троїцького, П. Хромова, С. Струмліна, В. Неупокоєва, В. Потаніна.

На сучасному етапі значна кількість досліджень розглядають як загальні, так і конкретні проблеми розвитку фінансів та фінансового права в історичній ретроспективі. Серед таких історико-правових досліджень необхідно відзначити ряд публікацій: монографію українського історика В. Орлика «Податкова політика Російської імперії в Україні в дореформений період» (2007 р.) [1]; монографію В. Жвалюка «Податкові органи Російської імперії в Україні у другій половині ХІХ – на початку ХХ ст.: Організаційно-правові засади діяльності» (2001 р.) [2]. У науковому дослідженні О. Гуржія та В. Орлика [3] розглянуто історію оподаткування сільського населення України з ХVІІ до середини ХІХ ст., висвітлено структуру та еволюцію різних груп сільських мешканців у взаємозв'язку з їхніми фіскальними зобов'язаннями. Автори комплексно дослідили особливості становлення та діяльності основних інституцій реалізації податкової політики на тлі складних і часто непослідовних дій урядових структур, вивчають процеси поширення на українські терени російських податкових статей, специфіку різних видів оподаткування в українських губерніях крізь призму станових, етнічних та регіональних складових фіскальної політики в українському селі. Також можна назвати роботи, в яких розглянуто окремі аспекти зазначеної теми. Це дослідження О. Бакаєвої А. Нечая, В. Небрат, С. Орлик, А. Масленнікової та інших. Незважаючи на наявну історіографічну спадщину, предметнішого вивчення потребує подушне оподаткування селян у фінансовій думці Російської імперії ХІХ ст., що і є метою пропонованої статті.

У ХІХ ст. фінансова наука виокремилася у самостійну галузь економіко-правових знань, що, очевидно, сприяло розвитку теорії податків, а самі податки стали розглядатися як частина теорії державних фінансів. У центрі уваги теоретичних досліджень із податків та оподаткування були: визначення сутності податку та основних його елементів; формування цілісної податкової системи, яка забезпечує фінансові потреби держави на регулярній основі; розподіл податкового тягара в суспільстві; визначення об'єктів оподаткування та оцінка впливу вибору об'єктів на поточний стан економіки; розвиток принципів оподаткування, котрі дозволяють згодом закласти обґрунтовані підходи до вибору методів і засобів податкової політики держави; обґрунтування видів ставок, що використовуються в податковій системі, та видів ставок щодо окремих податків; розвиток концепції перекладання податків [4].

На початку ХІХ ст. однією із перших праць, присвячених фінансам Російської імперії та управлінню ними, став «План фінансів» М. Сперанського [5], складений 1810 р. за дорученням Олександра І. Ця робота стала своєрідною програмою перетворення російських фінансів і містила короткострокові та довготривалі дії щодо основних напрямів фінансової політики. М. Сперанський виступав за реформування прямих податків і запровадження земельного податку, пропонував відмовитися від подушної та оброчної податей, які, на його думку, були поземельними зборами, «але заснованими за правилами досить недостатніми і неправильними». Земельний податок, на його переконання, повинен з часом «стати головним джерелом державних доходів» [5, 93].